



В тиши кабинета...
Историк Юрий Борисович Шмаров (1898–1989)

Зеленая лампа



Читатель, конечно, помнит, что так – «Зеленая лампа» – назывался литературный кружок в Петербурге. В его заседаниях участвовали Пушкин, Гнедич, Дельвиг, Глинка.

Поэты читали стихи, спорили о делах литературных и политических.

Название «Зеленая лампа» стало образом кабинетного уюта, ученой беседы, интеллектуального братства.

Мы назвали так номер, посвященный научному поиску в области истории искусств. Здесь будут собраны очерки о судьбе шедевров живописи и архитектуры, они написаны неравнодушно, с любовью, увлеченными специалистами, привыкшими работать при свете зеленых ламп в научных залах библиотек.

Погрузимся в тихое вечернее чтение, хорошо бы при свете зеленой лампы.

Карамзину, историку Государства Российского

(Известное и неизвестное)

Жорес Трофимов

23 августа 1845 года в центральной части Симбирска, близ Венца, был открыт памятник писателю и историку Николаю Михайловичу Карамзину.

Памятник Карамзину имеет свою непростую историю, которая не во всех важных деталях известна и профессиональным историкам. А в краеведческой литературе не сложилось единого мнения даже по таким принципиальным вопросам: кто же все-таки был инициатором создания памятника и каким образом первоначально мыслилось увековечение памяти Историографа Государства Российского?

Дело по сооружению памятника было совершенно новым для симбирян, как, впрочем, и для казанцев, которые в это же время хлопотали о сооружении в городе памятника Г. Р. Державину, да и для общественности всех других губернских центров. И никто, очевидно, не предполагал, что дела такого рода должны решаться строго по инстанциям, а решающее слово принадлежит самому самодержцу всероссийскому.

Это неведение просматривается по письмам нашего земляка — поэта Николая Михайловича Языкова, первым развернувшего агитацию за сбор средств в обеих столицах на увековечение памяти своего знаменитого тезки. «До вас, конечно, дошел слух о сооружении памятника бессмертному Карамзину, — писал он из села Языкова 25 апреля 1833 года в Москву академику М. П. Погодину. — Здесь произошло чрезвычайное кипение умов дворянских по сему случаю. Приношения далеко превосходят ожидания всех, знающих малопросвещенность стран Приволжских, Азии порубежных. Как идет это дело в Москве? Нельзя ли нам, крепкий стратиг русской истории, — возжечь особенное соревнование между доблыми (доблестными. — Ж. Т.) юношами, вам подведомственными, и силою вашего слова действовать на публику».

В письме к приятелю В. Д. Комовскому, вращающемуся в высших кругах чиновничьего Петербурга, Николай Языков привел подробности «кипения умов» симбирских дворян: «Здесь уже собрана довольно значительная сумма (в первые два дня более 6 тысяч), образован комитет — и дело идет живо... Здешние желают, чтоб онный памятник состоял из здания, в коем поместились бы статуя Историографа и пуб-

личная библиотека для чтения — обо всем этом губернатором будет представлено к министру внутренних дел, а вы поторапливайте и своего (начальника главного управления цензуры. — Ж. Т.) — он теперь в духе».

Да, губернатор А. М. Загряжский поддержал эту идею, но кто-кто, а он-то ведал, что для того, чтобы придать «законный» ход, к нему должно поступить соответствующее письменное отношение. Такая бумага была составлена и подписана симбирскими дворянами: «Желая ознаменовать и увековечить высокое уважение наше к памяти уроженца Симбирской губернии великого бытописателя Николая Михайловича Карамзина, творениями своими имевшего столь решительное, прочное и благодетельное влияние на просвещение любезного Отечества нашего: вознамерились мы воздвигнуть ему в городе Симбирске памятник, почему обращаемся к Вашему превосходительству с покорнейшею просьбою исходатайствовать Высочайшее соизволение на открытие подписки для составления денежной суммы, потребной для выполнения сей священной цели, нами предложенной».

По сохранившимся документам нельзя однозначно сказать, кто именно первым подал мысль о необходимости сооружения памятника Карамзину, но все говорит за то, что застрельщиками, безусловно, явились генерал-майор Петр Никифорович Ивашев (отец декабриста), трое братьев Яковлевых, состоявших, кстати, в родстве с Ивашевыми (Петр Михайлович был женат на сестре декабриста), а также их ближайшие знакомые: князь Ю. Хованский, который был тоже зятем Ивашева, отставные штабс-ротмистр П. А. Бестужев и капитан-лейтенант А. Д. Валуйев — свояки братьев Языковых. В пользу приоритета в этом деле Ивашева



Симбирск. Памятник Н. М. Каразину

и Языковых говорит и тот факт, что были избраны членами комитета по сбору средств на памятник П. Н. Ивашев, Александр, а потом и Петр Языковы.

Эти же лица были и главными жертвователями: П. Ивашев дал 300 рублей, его зять Ю. Хованский—500, трое братьев Языковых—1250. Сделали взносы и П. Бестужев (200 рублей), и А. Валуев (50 рублей). Из других доброхотов выделились дальний родственник Ивашевых Г. Толстой (105 рублей), штабс-ротмистр П. Бабкин (500 рублей), действительный студент Н. Мотовилов (400 рублей); по доверенности действительного статского советника Александра Тургенева внесено 300. Пожертвовали и отставные чиновники: А. Столы-

пин—300, А. Татаринов—200, П. Пазухин—200, капитан-лейтенант Г. Нейков—тоже 200 рублей. Взносы других знатных симбирян—Киндяковых, Соковниных, Анненковых, Юрловых—были меньших, но тоже существенных размеров.

13 июня 1833 года губернатор А. М. Загряжский переслал прошение 38-ми симбирских дворян министру внутренних дел Д. Н. Блудову, а тот доложил суть прошения царю, добавив при этом о необходимости открытия общеимперской подписки, а в Академии художеств—конкурса, подобно тому, какой проводился по созданию памятника Державину в Казани. Получив согласие Николая I, Блудов 5 июля уведомил об этом губернатора Загряжского

и предложил создать в Симбирске комитет, на имя которого и будут поступать денежные пожертвования.

Широкая же общественность узнала о первых пожертвованиях в Петербурге из заметки, появившейся 21 июля в «Северной пчеле», об обеде, данном группой литераторов в честь поэта и баснописца Ивана Ивановича Дмитриева, земляка и друга Карамзина. Желая делом подать пример в подписке, И. И. Дмитриев пожертвовал 500 рублей, саксонский посланник и писатель К.-А. Люпероде дал 300, князь П. А. Вяземский — 100, граф Д. И. Хвостов — 50, А. С. Пушкин, И. А. Крылов, П. А. Плетнев, Д. В. Давыдов — по 25 рублей. Всего же, по сообщению газеты, участники обеда подписались на 4525 рублей.

С середины августа 1833 года сбор пожертвований на сооружение памятника Карамзину официально начался в Симбирске и других местах России. П. Н. Ивашев, сообщив об этом 19 августа сыну-декабристу, томившемуся в Сибири, пояснил, как он и его близкие мыслят памятник в Симбирске: «Мы согласились всеподданнейше просить через министра устроить дом для помещения библиотеки всех полезных изданий на русском языке для общественной пользы, а в главной зале поместить мраморный бюст на пьедестале, заключающем все его творения. Такой памятник более и полезнее других будет существовать и послужит украшением города общей занимательностью и для постороннего лица».

Симбирские дворяне на своем съезде, прошедшем в августе, избрали под председательством Загряжского комитета для «первоначальных... распоряжений и приема сумм» и обсудили вопрос о месте, где должна быть воздвигнута библиотека с монументом Карамзину. Информировав об этом министра внутренних дел, губернатор представил и план местности, где был отведен участок для библиотеки: между гимназией и городским магистратом, напротив угловой часовни Спасского женского монастыря.

Автор проекта — губернский архитектор И. И. Лизогуб, один из инициаторов увековечения памяти Карамзина на родине, выполняя рекомендации комитета, создал проект оригинального ансамбля из трех зданий. Левое — гимназический пансион и правое — помещение для зрителя — скромные двухэтажные кирпичные дома. Что же касается центрального здания, тоже двухэтажного, но увенчанного довольно большим куполом, то оно было спроектировано под стать лучшим постройкам Симбирска 30-х годов XIX века, возведенных в классическом стиле по проектам выдающегося зодчего М. П. Коринфского.

В верхнем этаже предполагалось разместить книгохранилище, комнаты для чтения, а в центральном двухсветном зале установить монумент. Словом, проект главного здания — это проект Карамзинской общественной библиотеки, главную залу которой украшал установленный на пьедестале бюст историкографа.

Только так и никак иначе воспринимали «памятник» Карамзину и присутствующие на обеде в честь И. И. Дмитриева видные литераторы, в том числе А. С. Пушкин, который, кстати, в сентябре 1833 года, во время поездки по сбору материалов для «Истории Пугачева», гостил у симбирского губернатора А. М. Загряжского и, конечно, воочию увидел то место, где мыслилось воздвигнуть библиотеку. Оно находилось в непосредственной близости от губернаторского дома.

Казалось, ничто не могло помешать быстрому осуществлению благородных побуждений руководителей симбирского комитета: царь разрешил сбор средств по всей империи, губернатор отстаивал перед министром проект архитектурного карамзинского ансамбля и место для него. В Академии художеств уже был объявлен конкурс на создание монумента Историкографу.

Однако в конце 1833 года начались первые серьезные затруднения. 9 декабря совет Академии художеств решил вопрос о памятнике Державину в Казани. А вот относительно памятника Карамзину конкурс не внес ясности. Из девяти представленных проектов совет отобрал для рассмотрения министру внутренних дел Блудову только три — профессора А. Тона, Х. Мейера и А. Брюллова. По каждому из них министр дал указания для доработки. Наиболее сложными из них по композиции оказались темы горельефов для постаментов, которые должны были отображать милостивое отношение Александра I и Николая I к автору «Истории государства Российского».

Затем, волею или неволею, сумятицу в дело о памятнике внес князь М. П. Баратаев, который после некоторого перерыва, вызванного его отъездом из Симбирска, осенью 1833 года вновь занял пост губернского предводителя дворянства. Вскоре между ним и губернатором Загряжским сложились чрезвычайно неприязненные отношения. Баратаев, не входивший в состав комитета, как бы в пику губернатору — председателю комитета, отверг проект создания общественной библиотеки и 6 марта 1834 года в письме к министру внутренних дел Блудову заявил, что желает, «чтобы памятник Карамзину на его родине был учреждением учебного заведения для воспитания и образования юношества».

Блулов никак не отреагировал на это письмо, и оно попало в ту же папку нерешенных дел, что и проект комитета симбирских дворян. Шло время. Конфликт между губернатором и группой влиятельных помещиков, державших сторону Баратаева, завершился летом 1835 года отъездом Загряжского из Симбирска.

Новый губернатор И. С. Жиркович, вникнув в дела и различные планы увечования памяти Карамзина, обратился к Блулову с просьбой сообщить ему конфиденциально, «к какому именно направлению домогаться... склонить общий по сему предмету голос».

Министр, словно не ведая о желании Загряжского, Ивашева, братьев Языковых и других видных симбирян создать общественную библиотеку, в ответном письме к Жиркевичу от 5 ноября 1835 года коснулся почему-то лишь предложения Баратаева: «Сколь ни похвальная мысль учредить учебное заведение с именем Карамзина, но, к крайнему сожалению, едва ли может быть она приведена в действие, как по неимению на то достаточного капитала, так и потому, что Высочайшее соизволение последовало лишь на сооружение памятника Карамзину в Симбирске. Вследствие чего по Высочайшей воле для составления проектов сего памятника открыт при Императорской Академии художеств конкурс художников и по недавно полученному мною уведомлению президента сей Академии... помянутый проект приводится уже к окончанию».

Охотников перечить «Высочайшему соизволению» в Симбирске не нашлось, и местному комитету оставалось ждать исхода академического конкурса да подыскать место в соответствии с предложением Блулова для постановки монумента Карамзину «на открытом месте» Венеца.

Члены симбирского комитета отвергли Венец, так как в северной части его стояло «старое и безобразное строение» помещика Филатьева. Конечно, дворянство могло бы купить его и привести в «приличный вид». Но для устройства бульвара между этим домом и зданием губернских присутственных мест (сейчас здесь располагается сельхозинститут) надобно еще устроить бульвар для гулянья, к чему «встретились еще особые неудобства».

Тогда губернатор Жиркевич предложил установить памятник «среди площади пред настоящим Домом дворянства», находившемся в Троицком (ныне Краснознаменном) переулке. Но это некогда красивейшее здание (во дворе которого граф Н. И. Панин допрашивал плененного Емельяна Пугачева) уже сильно обветшало, и на его реконструкцию требовались зна-

чительные средства. К тому же, по мнению членов комитета, это место, «кроме съезда дворянства, во всякое другое время оказывалось скрытым», и публика не будет видеть памятник. В конце концов 21 декабря 1835 года комитет единогласно постановил донести министру внутренних дел, что «площадь против Гостиного двора (где стоит нынешний ЦУМ.— Ж. Т.), окружена будучи красивейшими зданиями и составляя место, наиболее посещаемое жителями, найдена приличнейшим местом для воздвижения памятника».

Но и этому мнению симбирских читателей Карамзина не суждено было сбыться. Николай I, побывавший 22 августа 1836 года в Симбирске, все переиначил и дал такие указания по благоустройству Венеца и реконструкции района, прилегающего к губернаторскому дому, какие могли исходить только от императора-самодержца. Он, в частности, приказал благоустроить Венец от здания присутственных мест до дома вице-губернатора (находившегося вблизи нового общежития пединститута) и выстроить на месте, занимаемом флигелями типографии и архива, приличный новый дом Дворянского собрания. Западнее губернаторского дома, где находились частные усадьбы, Николай I повелел устроить площадь, в центре которой и возвысится памятник Карамзину. В связи с этим к губернаторскому дому предлагалось сделать пристрой («новый фас»), со своим подъездом, который станет восточной границей новой площади. Обветшалое здание городского магистрата, стоявшее севернее этой площади, подлежало сносу с тем, чтобы на его месте появилось более удобное и представительное.

Через два года указания Николая I относительно создания обширной площади у губернаторского дома были в основном уже выполнены. Что же касается работ по созданию самого памятника Карамзину, то 1 июня 1838 года симбирянам стало известно из сообщения местных «Губернских ведомостей», что государь император соизволил повелеть «заключить с профессором Академии художеств Гальбергом контракт на сделание в течение трех лет, согласно предложенным им условиям и по составленному им... проекту, в настоящем виде означенный памятник с барельефами из своих материалов, за выпрошенную им цену 91 800 р., не включая в число сей суммы денег, нужных на покупку 550 пуд. меди, которая имеет быть получена из казны, и оный памятник поставить в Симбирске на назначенном месте. Для увеличения же суммы, собранной на сооружение означенного памятника, издать в гравюре рисунки статуи с пьедесталом и двумя барельефами в числе 10 тыс. экземпляров

и пустить оные в продажу по 5 руб. за штуку».

Как же случилось, что вместо одобренных еще в 1833 году Академией художеств трех проектов памятника Карамзину через пять лет выбор царя пал на новый проект, составленный профессором Гальбергом? Прежде чем ответить на этот вопрос, взглянем хотя бы бегло на жизненный и творческий путь художника-скульптора.

Самуил Иванович Гальберг родился в 1787 году в Остляндии (Эстонии), в небогатой, но культурной шведской семье. Семилетним мальчиком родители отдали его в воспитательное училище при петербургской Академии художеств, которую он блестяще — с большой золотой медалью — закончил в 1808 году. В последующие два десятилетия Гальберг успешно трудился под руководством известного русского скульптора И. П. Мартоса, постигал в Риме творчество знаменитых Кановы и Торвальдсена.

Профессором родной Академии художеств Гальберг стал в 1831 году, после того, как получили высокую оценку статуи, выполненные им для ряда общественных зданий столицы, и памятник Александру I. В 1833 году совет Академии художеств «весьма одобрил» разработанные Гальбергом эскизы памятника Державину в Казани и поручил ему окончательное завершение проекта.

В конце того же года Гальберг принял участие в конкурсе на памятник Карамзину в Симбирске. Совет Академии, как мы уже знаем, остановил свой выбор на проектах А. Брюллова, К. Мейера и А. Тона, но все трое по различным причинам весной 1835 года отказались дорабатывать свои проекты. Гальберг же к этому времени завершил работу над памятником Державину и на предложение президента Академии художеств «заняться сочинением статуи и барельефов для памятника Карамзину, сообразуясь по возможности с общим видом проекта господина профессора Александра Тона», дал свое согласие.

Согласие это было хорошо взвешено. Во-первых, Гальберг участвовал в декабре 1833 года в академическом конкурсе проектов памятника Карамзину. А во-вторых, его соавтором становился великолепный знаток архитектуры А. Тон, с которым они так дружно творили памятник Державину. Работал Гальберг споро. Уже 10 августа 1835 года он доложил своему президенту: «Эскизы в глине статуи и барельефов для памятника Карамзину мною сочинены... Теперь с них делают рисунки, которые по окончании предложатся на рассмотрение».

Из представленной при этом объяснительной записки видно, что Гальберг подготовил два проекта памятника. Обосновывая замысел первого из них (под литерой

«А»), он писал: «Прилично и согласно с требованиями изящного было бы и ставить как памятник на богатом пьедестале музу истории Клио, которая, имея в левой руке эмблематический признак свой трубу, правую возлагает на жертвенник бессмертия скрижали Государства Российского, посвящая их таким образом бессмертию».

Относительно второго запись еще лаконичнее: «Другой проект (рисунок «Б») представляет статую самого Автора: Карамзин стоит, оперши скрижали своей Истории на колонну — эмблему несокрушимости. Те же барельефы могут быть помещены на боковых фасадах пьедестала».

Думается, что для самого Гальберга предпочтительнее был второй проект. Хотя бы потому, что проект памятника Державину, выполненный тоже в содружестве с профессором А. Тоном, был именно таким, более реалистичным. Но совет одобрил все-таки первый. Почему? Отвечая на этот вопрос, ученик Гальберга, впоследствии тоже известный скульптор Н. А. Рамазанов, писал:

«Некоторые из опытных художников осуждали Гальберга, зачем он поставил на пьедестал Клио, а не самого Карамзина. Впрочем, это предпочтение Клио, надо полагать, было сделано по какому-нибудь постороннему настоянию; доказательством тому служат два прекрасных глиняных эскиза статуй Карамзина, сделанных рукою Гальберга и составляющих теперь собственность пишущего эти строки».

Рамазанов воздержался от расшифровки «постороннего настояния», но несомненно, что под ним подразумевалось вмешательство если не самого Николая I, то его ближайшего окружения. Забегая вперед, отмечу, что под влиянием «посторонних» изменится и надпись на пьедестале памятника. Если на модели Гальберга было начертано: «Н. М. Карамзину, словесности и истории великие услуги оказавшему», то впоследствии, уже на завершленном памятнике, появится другая надпись, выполненная накладными позолоченными буквами:

«Н. М. Карамзину
историку Российского
государства
повелением императора
Николая I-го 1844 года».

Вернемся к лету 1838 года, когда император приказал заключить контракт с Гальбергом об изготовлении им в течение трех лет памятника за 91 800 рублей, с предоставлением, кроме того, казною 550 пудов меди. В распоряжении комитета в это время имелось 65 214 рублей 50 копеек, собранных по общеимперской подписке. Наиболее щедрыми на пожертвования оказались симбиряне и петербуржцы, внесшие

на счета комитета почти по 15 тысяч. А были губернии, где сбор не был как следует организован, и поэтому Воронежская, Екатеринбургская, Астраханская губернии внесли всего лишь 20–35 рублей. Как это ни странно, но Николай I и члены его семьи не подали личного примера в сдаче пожертвований.

Тем не менее имевшихся летом 1838 года в кассе симбирского комитета денег хватало для того, чтобы Гальберг работу над памятником Карамзину вел полным ходом. Но... 10 мая 1839 года Самуил Иванович Гальберг на 52-м году жизни скончался. Знаменитый живописец Карл Брюллов, обращаясь к его ученикам, говорил: «Плачьте, плачьте о нем!.. Это был светильник, который бросал свет на все...»

Ученики – талантливые выпускники Академии художеств А. А. Иванов, П. А. Ставассер, Н. А. Рамазанов и К. М. Климченко – горячо взялись за поручение совета Академии по эскизам и рисункам Гальберга довести памятник Карамзину до конца. Колоссальную статую музы истории Клио изготовил Ставассер и Иванов. Горельеф, изображающий Карамзина, читающим свою «Историю», и бюст историографа – Рамазанов, а горельеф, представляющий Карамзина на смертном одре, – Климченко. Отливка статуи Клио из бронзы была осуществлена в мастерской Академии художеств под руководством опытного мастера этого искусства барона П. К. Клодта.

Летом 1843 года статуя музы истории с большими трудностями была доставлена по Волге на симбирскую пристань, где она пролежала около полутора лет, до тех пор, пока из столицы не прибыли четырехугольный пьедестал из красно-бурого финляндского гранита и бронзовый бюст Н. М. Карамзина. Задержка произошла и из-за нехватки средств для изготовления надежного фундамента под многопудовый памятник.

Вот только теперь симбирские дворяне, доселе гадавшие о содержании памятника историографу, узнали, что на высоком, двухсаженном пьедестале будет стоять во весь рост такой же высоты бронзовая статуя музы истории Клио, а бюст самого Карамзина поставят в нише лицевой стороны пьедестала. Стал известен и смысл, заложенный художником в отлитые из бронзы горельефы.

На левом (северном) – Карамзин за чтением отрывка из своей «Истории» императору Александру I во время пребывания его в Твери в 1811 году. На другом (южном), тоже в аллегорической форме, Николай Михайлович запечатлен на смертном одре в окружении семейства в тот момент, когда познакомился с рескриптом Николая I о пожаловании щедрого пансиона. В соответствии с канонами классического стиля

все фигуры памятника изображены в античных одеждах.

Поэт Николай Языков, поселившийся после безуспешного пятилетнего лечения за границей в Москве, сообщил 14 декабря 1844 года Н. В. Гоголю в Рим: «Памятник, воздвигаемый в Симбирске Карамзину, уже привезен на место. Народ смотрит на статую Клио и толкует, кто это: дочь ли Карамзина или жена его? Несчастный вовсе не понимает, что это богиня истории! Не нахожу слов выразить тебе мою досаду, что в честь такого человека воздвигают вековую бессмыслицу».

К этому можно добавить, что изображение на памятнике необычно одетых, а то и полуобнаженных фигур недоуменно воспринималось не только простым людом, но порой и людьми грамотными. Не понятый многими, памятник в народе прозвали «чугунной бабой».

Тем не менее, когда наступила пора установки памятника, Николай Языков и его братья деятельно включились в подготовку связанных с этим событием торжеств. Поэт, прекрасно знавший, как тяжело переживает академик М. П. Погодин смерть своей жены, все-таки настойчиво убеждает его составить «похвальную речь» для выступления на родине Историографа.

Погодин взял себя в руки и вовремя написал «Историческое похвальное слово Карамзину». Но обстановка требовала, чтобы он поехал в Симбирск по направлению либо Академии наук, либо университета, где занимал профессорскую кафедру. Не без влияния Языкова симбирский губернатор Булдаков обратился к министру народного просвещения С. С. Уварову с просьбой откомандировать Погодина в Симбирск, где 22 августа, в день коронации покойного императора Александра I, намечалось открытие памятника. Когда же стало известно, что министр то ли пожалел выделить деньги на путевые расходы академика, то ли хотел продемонстрировать, что его мало интересует такое событие, как открытие памятника Карамзину, но отказал в командировке, Александр Михайлович Языков попросил брата-поэта передать Погодину, чтобы его не оставившая эта скарелность: «Прогоняй ему возвратит дворянство. Уваров поступил очень невежественно». И Николай Михайлович обращается к Погодину: «Поезжай же 16 августа в ночь. К 20 или 21 августа ты будешь на месте. В Симбирске прямо въезжай в дом Н. М. Языкова, а на обратном пути ты поедешь оттуда на Арзамас, Муром и проч... непременно заезжай ко мне в село Языково... Там дной и ночуй и проч. Я пишу туда, чтобы тебя там ждали и приняли бы с подобающей честью!»

Погодин, для которого Карамзин был

«достойнейшим из русских писателей, отразившим в своих бессмертных творениях гениальные дарования, чувства патриотические и вообще русский дух», 17 августа помчался из Москвы на курьерских и уже 21-го, усталый, но довольный, добрался до Симбирска. Однако там, «по обстоятельству», открытие отложили на день, т. е. до 23 августа. Впрочем, накануне вечером в доме губернатора собрались верхушка местного общества и почетные гости — прибывшие в Симбирск сыновья историографа Андрей и Александр Николаевичи Карамзины, и перед присутствующими выступил Погодин со своим похвальным словом о знаменитом симбирянине.

Суть его заслуг в области русского языка и словесности Погодин сумел изложить в одной, но очень емкой фразе: «Он очистил Русский язык, освободил его из-под классического влияния, указал ему настоящее течение, обработал слог, обогатил Словесность, представил сочинения во всех родах: письма, повести, рассуждения, похвальные слова, разговоры; возбудил участие к сочинениям знаменитых писателей, познакомил с иностранными литературами, перевел множество образцовых произведений со всех новых языков, привел в движение Словесность, распространил охоту к чтению, умел возбудить любовь к знаниям, коснулся до всех современных вопросов, учил рассуждать политически, наконец, начал возбуждать участие к Русской старине и познакомил с древними иностранными путешественниками».

В заключительной части похвального слова Погодин выразил свое благоговейное восхищение благородной личностью историографа и, обращаясь к слушателям, заявил: «Пусть памятник, теперь ему... здесь поставленный, одушевляет ваших детей и все следующие поколения в благородном стремлении к высокой цели Карамзина! Пусть он останется навсегда идеалом Русского писателя, Русского гражданина, Русского человека...»

Утром следующего дня, 23 августа, при первых ударах колоколов, в кафедральном соборе в парадной одежде собралось все начальство, дворянство, купечество, воспитанники гимназии и духовной семинарии, а у входа толпились массы простых обывателей.

Заупокойную литургию совершил архиепископ Феодотий. После нее следовала панихида, а потом все отправились к новой площади, где и состоялось торжественное открытие монумента. Скрывающая бюст Карамзина и горельефы завеса была снята при приближении процессии, но статуя Клио оставалась закрытою. Преосвященный произнес краткую молитву, окропил святою водою нижнюю часть памятника,

которую он обошел кругом. Провозглашено было многолетие императору и всему его дому. Затем дьякон провозгласил «вечную память Историографу Николаю Михайловичу Карамзину» и многие лета симбирскому дворянству и всем почитателям памяти великого писателя. В конце богослужбной части торжеств Феодотий, обратившись к бюсту Н. М. Карамзина, произнес заключительное слово.

Глубокое впечатление на присутствующих произвело выступление известного поэта-симбирянина Д. П. Ознобишина, который в своем стихотворении, в частности, выразил уверенность, что:

Так, Русский юноша,
теперь идущий мимо,
Взглянув на этот лик,
сияющий в меди,
Любовь к Отечеству, сей
огнь неугасимый,
Восчувствует в груди.

Затем избранное общество направилось в гимназию, где в зале, соседних комнатах и на хорах собрались многочисленные слушатели и слушательницы. «Историческое похвальное слово» М. П. Погодина, продолжавшееся около двух часов, закончилось единодушной овацией. По просьбе публики, и тоже под рукоплескания, Д. П. Ознобишин повторил свои стихи, прочитанные перед памятником. Завершился же торжественный день обедом в доме Дворянского собрания, на котором тосты следовали один из другим. Особенно пришелся по душе присутствовавшим тост М. П. Погодина: «Да процветает Симбирск, да являются отсюда беспрерывно, к славе Отечества, преемники Карамзиных, Дмитриевых, Тургеневых, Языковых... Ура!»

Рассказы родных и приехавшего в Москву Погодина о всеобщем энтузиазме при открытии памятника одушевленно действовали на поэта Николая Языкова, и он в стихотворении «На объявление памятника историографу Н. М. Карамзину», используя строку из державинского «Памятника», пророчески заявил:

Он памятник себе воздвиг
чудесный, вечный,
Достойный праведных
похвал,
И краше, чем кумир иль
столб каменосечный,
И тверже, чем литой
металл!
Тот славный памятник,
отчизну украшая,
О нем потомству говорят
И будет говорить, покуда
Русь святая
Самой себе не изменит!